

в этой части письмовника в таком окружении помещены и публикуемые два послания. Это, повторяю, позволяет сделать предположение, что перед нами списки определенных посланий, а не обычные образцы статей письмовника. К этому же выводу приводит и рассмотрение их содержания.

Первое публикуемое нами послание не является цельным произведением, а представляет отрывок. В нем нет традиционного риторического начала, «предисловия», обращения к адресату, образцы которых даются в письмовнике. Оно начинается картинным сравнением с хранилищами и источниками вод и реками различного вида монашеского сожительства, как хранилищ «божественной премудрости», и самих монахов, как носителей этой премудрости. Автор и самого адресата называет «источником словесных вод», так как ум его «озарился светом божественной благодати». Отсюда ясно, что адресат — лицо духовное. Это подтверждается и тем, что автор, обращаясь к адресату, называет его «отче преподобный», «избранниче Христов», «святче божий». Писавший же, напротив, человек мирской. Так можно судить по данной им себе характеристике: «увы мне, волею своего разума отлучихся от царския вечера» (л. 71 об.), «и о сем рассужения не имам не до совершенныя в разуме учения ради житейския суеты» (л. 73). Видно также, что автор и адресат и ранее обменивались посланиями. Составитель послания отмечает, что адресат «напаял сердца неразумных преже реченных» (л. 71), «писанием соглядал еси мое непотребство» (л. 72), что «много понужах твою святость своим неразумием» (л. 72 об.). Автор позволяет себе и на этот раз «дерзость» обратиться к адресату за помощью, но колеблется, «яко трость ветром». Автор восхваляет ум адресата, послания которого «сладки паче меда и сота не извитием словес, но глубиною разсужения» (л. 72 об.). В то же время он подчеркивает «немошь» своего ума и бессилие своего языка: «Веси бо, о совершенне уме, — пишет он, — яко косно и несовершенно гугниво гласанье мое ... поне ни нашим языком не обыхох глаголати премудростных словес, ниже многия книги обоженыя проницах» (л. 72 об.). При этом составитель послания приводит в оправдание нищеты своего ума уже знакомую нам по другим памятникам древнерусской письменности формулу самоунижения: «Веси бо, всечестный господине, яко не во Афинех радилься есмь, ни у философов премудрости учился есмь, ниже чина учимых известно вем, но есми поселянин и невежда» (л. 71 об.).

Весь разобранный отрывок представляет произведение, полное риторических фигур и оборотов, и свидетельствует о том, что автор его был человек «книжный», знакомый с эпистолярной формой своего времени.

Автор и адресат второго публикуемого послания — лица духовные. Адресат называется «отче», «Христовым рабом» и тут же — «господином о Христе» (л. 73 об.). Все послание построено в стиле «епистолий» к старцу или вообще к лицу духовному, с соответствующим «извитием словес». В послании ясно указана причина написания: автор пишет, что «ныне изнемогает умом, во глубину въпад сомнения» (л. 74). По-видимому, в оригинале послания указывалось далее, в чем автор испытывал сомнения, в каких вопросах, так как за этим следовало: «и что нашего настоящего прошения разум (содержание, — И. Г.) предиды (в дальнейшем, — И. Г.) слово скажем» (л. 75). Однако составитель письмовника (или писец) на этом собирався закончить список послания и поставил в конце слово «аминь». Но что оригинал послания на этом не кончался, видно из того, что за словом «аминь» следует добавление текста, которое автор начинает словами «по сих», т. е. «после того», и в котором благодарит адресата за его писания и просит «отписать» о каких-то «тех вопросах». Это добавление и является, по-видимому, настоящим концом посла-